

Порошин Иван Александрович

**А.И. Герцен, славянофилы и
западники**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Александрович П.**
А.И. Герцен, славянофилы и западники / Порошин Иван Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 56 с.

ISBN 978-5-519-79170-0

ISBN 978-5-519-79170-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Общее философско-историческое міросозерцаніе Герцена.

Фр. Нитцше въ своей книгѣ „*Menschliches Allzumenschliches*“ говоритъ, что для наилучшаго изображенія всякаго значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самые предѣлы и переходы красокъ создавали рисунокъ. Справедливая вообще, мысль эта является особенно справедливой по отношенію къ такой крупной личности, какъ А. И. Герценъ, сочиненія котораго отличаются не только удивительнымъ разнообразіемъ своего содержанія, но и глубокой искренностью изложенія.

Такъ какъ взгляды Герцена по тѣмъ вопросамъ, которые опредѣляютъ то или иное отношеніе писателя къ ученіямъ „западничества“ и „славянофильства“, тѣсно связаны съ его общимъ философско-историческимъ міросозерцаніемъ, то на характеристикѣ послѣдняго я и имѣю въ виду прежде всего остановить вниманіе своихъ читателей.

Чтобъ вполне выяснитъ характеръ и сущность этого міросозерцанія, необходимо сказать нѣсколько словъ о философіи Гегеля, имѣвшей, какъ извѣстно, огромное вліяніе на все философское и политическое міровоззрѣніе поколѣнія, къ которому принадлежалъ Герценъ. Нигдѣ въ Европѣ

германскій философскій идеализмъ въ его окончательной формѣ—гегеліанствѣ не вызвалъ такого сочувствія и, можетъ быть, не нашелъ такого глубокаго пониманія, какъ въ Россіи, въ учено-литературномъ кружкѣ московскихъ западниковъ 30—40 годовъ. Въ исторіи русской мысли значеніе этой философской системы было такъ велико, что съ послѣдствіями его приходится считаться даже и въ наше время,—цѣлые полвѣка спустя послѣ того, какъ познакомилась съ Гегелемъ передовая русская интеллигенція.

Основною идеей философіи Гегеля была идея постепеннаго развитія,—«эволюціи»: въ жизни нѣтъ ничего вѣчнаго, неизмѣннаго, абсолютнаго; все существующее—лишь переходная стадія развитія. Этою своею идеей гегеліанство завоевало въ свое время весь мыслящій міръ и создало сильное и широкое умственное движеніе. Гегелемъ была впервые формулирована съ совершенно небывалою послѣдовательностью и смѣлостью система, составляющая едва ли не самое драгоценное приобрѣтеніе нашего положительнаго вѣка. Понятіе о прогрессѣ—одно изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ характерныхъ понятій гегелевской философіи. Она признавала, что человѣчество, *en masse*, идетъ непрерывно впередъ, но при этомъ такъ, что всѣ достигнутые имъ ранѣе результаты могутъ оказаться требующими совершенной замѣны ихъ другими—новыми. Съ этой точки зрѣнія даже періоды видимаго упадка, самыя бѣдствія человѣческаго рода, составляютъ все-таки шагъ впередъ, потому что является при этомъ новый духъ, который, стремясь проявиться, разрушаетъ старыя, отжившія формы жизни. Пантеистическое пониманіе міра и человѣка, обоготвореніе жизни и исторіи, привели какъ мы знаемъ, философію Гегеля къ ученію Фейербаха, Штрауса и др. «фейербахистовъ», учившихъ объ единствѣ матеріи и духа, о томъ, что судить о сущности мы

можемъ лишь по ея внѣшнему проявленію. Это была въ гегеліанствѣ такъ называемая «лѣвая», къ которой примкнулъ въ послѣдствіи и Герценъ, когда окончательно овладѣлъ философій Гегеля.

Слѣдуя Фейербаху, Герценъ рѣшительно отвергаетъ возможность существованія идеи, сущности внѣ ея проявленія. Въ абстракціи,—говоритъ онъ,—мы, конечно, можемъ отдѣлать причину отъ дѣйствія, сущность отъ ея внѣшняго проявленія. но такое раздѣленіе только и возможно въ области человѣческой мысли, а не въ дѣйствительности. Дѣйствительная же жизнь, какъ все органическое, живое, жива только какъ цѣлое; при разъятіи на части, душа ея отлетаетъ и остаются однѣ мертвыя абстракціи съ трупнымъ запахомъ. Для насъ, изслѣдователей Герцена, важна въ данномъ случаѣ не та отвлеченная форма, въ которую вылилась мысль Герцена, а важны практическіе выводы, какіе послѣдній сдѣлалъ изъ нея. Если проявленія жизни и есть самая жизнь, если видимая и ощущаемая нами дѣйствительность—самая сущность жизни, то значитъ жизнь—дѣятельность, корень и источникъ всего.

Жить это—работать и стремиться впередъ, а не «грезить», хотя бы эти грезы и были порою пріятнѣе окружающей насъ дѣйствительности. Уже въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній «*Записки молодого человека*» («*Отеч. Зап.*» 1840 г., 12 кн.) Герценъ упрекаетъ нѣмецкихъ мыслителей и поэтовъ за ихъ односторонность: при всей ихъ космополитической всеобщности въ нихъ недостаетъ, по его мнѣнію, цѣлаго элемента человѣчности, именно — практической жизни, и хотя они очень много пишутъ о конкретной жизни, но уже одно то, что они пишутъ о ней, а не живутъ ею, доказываетъ ихъ абстрактность. Такое же горячее сочувствіе автора къ практическимъ вопросамъ, къ людямъ жизни, въ противо-

положность съ мыслителями и поэтами, замѣтно и въ послѣдовавшей за только что указанной другой статьѣ Герцена *«Еще изъ записокъ молодого чловѣка»* (*«Отеч. Зап.»* 1841 г., 8 кн.). Для нашего времени мысль о томъ, что практическая жизнь—необходимый элементъ чловѣчности, не представляетъ собой чего-либо новаго или оригинальнаго, но въ 40-хъ гг., когда романтическая струя была еще сильнымъ ключемъ, поднять вопросъ о практической жизни и дѣятельности было великою дерзостью, которую могли позволить себѣ лишь немногіе смѣльчаки.

Коснувшись вопроса о необходимости практической жизни, мы неизбежно должны нѣсколько остановиться на нравственной философіи Герцена, тѣсно связанной съ его публицистическими взглядами. Прекрасной иллюстраціей нравственнаго міровоззрѣнія Герцена можетъ служить надѣлавшій въ свое время большого шума его романъ *«Кто виноватъ»* *), построенный на развитіи и примиреніи тѣхъ нравственныхъ противорѣчій, среди которыхъ протекаетъ жизнь большинства людей. Общество и семья, по мнѣнію Герцена, это—гегелевскіе тезъ и антитезъ,—силы, находящіяся въ настоящее время въ упорной и непрерывной борьбѣ. Личное чувство, не примиряющееся съ общепринятыми формами ходячей морали, должно или глубоко запрятаться въ сердце, совершенно заглушивши себя, или провозгласить свою независимость отъ этой морали. На вопросъ: кто виноватъ? этотъ романъ отвѣчаетъ такъ: виновата сама жизнь, самое свойство чловѣческихъ душъ, не могущихъ отказаться отъ счастья и предвидѣть, какъ далеко зайдутъ ихъ собственныя чувства, и вслѣдствіе этого страдающихъ отъ всякаго рода случайностей, которыя наносятъ

*) *Отеч. Зап.* 1845 г. дек.; отдѣльныя изданія, болѣе раннія: 1847 г. (Праца) 1866 года (Ковалевскаго),

удары этимъ чувствамъ и разрушаютъ счастье. «Вся индивидуальная сторона жизни погружена въ темный лабиринтъ случайностей, пересѣкающихся, вплетающихся другъ въ друга,—говорить Герценъ въ своей статьѣ *«По поводу одной драмы»* (*Отеч. Зап.* 1843 г., кн. VII), — дикія физическія силы, непросвѣтленныя влеченія, встрѣчи имѣютъ голосъ, и изъ нихъ можетъ составиться согласный хоръ, но могутъ произойти и раздирающіе душу диссонансы...» Человѣкъ, строящій свой домъ на одномъ сердцѣ, строить его на огнедышащей горѣ. Тамъ, гдѣ жизнь подчинена чувствамъ, узко-эгоистическимъ интересамъ, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо прочномъ счастьѣ. Чтобъ быть истинно счастливымъ, человѣкъ долженъ раскрыть всю свою душу *всему человеческому*, долженъ страдать и наслаждаться страданіями и наслажденіями современности,—словомъ, развитъ эгоистическое сердце въ сердце «всескорбящее», болѣющее за своего ближняго. Въ гармоническомъ сліяніи начала личнаго и общественнаго, частнаго и всеобщаго, Герценъ видитъ единственный выходъ изъ противорѣчія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и единственный прочный залогъ истиннаго счастья для человѣка. Связать свою маленькую личную жизнь съ жизнью окружающаго насъ со всѣхъ сторонъ огромнаго общаго—это главная нравственная задача, которую долженъ поставить передъ собой каждый истинно-развитой и просвѣщенный человѣкъ. Таковъ практическій, житейскій выводъ, логически вытекающій изъ всей системы нравственно-философскаго міропониманія нашего писателя.

Мы подошли теперь къ одному изъ главныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ публицистическомъ міровоззрѣніи Герцена—къ вопросу о роли личности въ исторіи. Безъ предварительнаго рѣшенія этого вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ совершенно немыслима

какая бы то ни было общественная дѣятельность, тѣмъ болѣе публицистическая. Что самъ Герценъ придавалъ вопросу о роли личности важное значеніе, можно видѣть уже изъ одного того, что онъ возвращается къ этому вопросу при каждомъ удобномъ случаѣ, варьируя отвѣтъ на него на всевозможные лады, съ той удивительной образностью выраженій, какой отличается языкъ большей части его публицистическихъ работъ.

Мы только что видѣли, что жизнь частная, индивидуальная, представляется Герцену одной сплошной нелѣпостью, рядомъ бессмысленныхъ случайностей, пересѣкающихся другъ съ другомъ; не можетъ похвастаться своимъ „смысломъ“ и жизнь общая, — исторія человѣчества, которая, по убѣжденію Герцена, также развивалась только «нелѣпостями»: люди постоянно стремились за бреднями и лишь по дорогѣ достигали иногда положительныхъ результатовъ, практическихъ послѣдствій. «На яву сонные, они шли за радугой, искали то рай на небѣ, то небо на землѣ, а по дорогѣ пѣли свои вѣчныя пѣсни, построили Римъ и Аѳины, Парижъ и Лондонъ... Одно сновидѣніе уступаетъ другому, сонъ становится иногда тоньше, но иногда не проходитъ совсѣмъ». Отъ этого происходитъ то, что люди легко принимаютъ все на вѣру и даже готовы многимъ пожертвовать за свои убѣжденія, но съ ужасомъ отступаютъ назадъ, когда проникнетъ вдругъ въ раскрытую щель дневной свѣтъ или подуетъ свѣжій вѣтеръ разума и критики. Мученики первыхъ вѣковъ христіанства вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь; римляне смотрѣли на это иначе и заставляли «безумствующихъ» склоняться въ прахъ передъ августѣйшими изображеніями своихъ цезарей. Христіане не хотѣли сдѣлать этой маленькой уступки и за это ихъ травили звѣрями въ циркахъ, жгли на кострахъ, распинали на крестахъ. Они были сумасшедшіе, римляне-полоумные; тутъ нѣтъ

мѣста ни сочувствію, ни удивленію. «Но тогда прощай,—воскликаетъ Герценъ,—не только Термопилы съ Голговою, но и Софокль съ Шекспиромъ, да кстати и вся безконечно-длинная эпопея, которая безпрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ исторіи!...» Во всю тысячу и одну ночь исторіи, какъ только накоплялось у людей немного просвѣщенія, дѣлались попытки пробудить сонное царство. Нѣсколько человѣкъ просыпались, протестовали противъ спячки остальныхъ, заявляли, что они проснулись, но другихъ добудиться все-таки не могли. Появленіе людей, протестовавшихъ противъ общественной неволи, противъ угнетенія личности—не новость въ исторіи человѣчества: они являлись обличителями настоящаго и пророками будущаго во всѣхъ сколько-нибудь назрѣвшихъ цивилизаціяхъ, особенно, когда послѣднія старѣли. Это—высшій предѣлъ,—«перехватывающая личность», какъ опредѣляетъ Герценъ такихъ людей,—явленіе въ высшей степени интересное, хотя и исключительное, рѣдкое, какъ геній и красота, какъ необыкновенный голосъ. Появленіе ихъ только доказываетъ возможность для человѣка развиваться, доходить до разумнаго пониманія вещей, но этимъ еще не разрѣшается вопросъ, можетъ ли это исключительное явленіе сдѣлаться общимъ. Исходя изъ данныхъ, представляемыхъ исторіей человѣчества, Герценъ рѣшаетъ этотъ вопросъ скорѣе отрицательно. «Люди еще не скоро почувствуютъ потребность здраваго смысла: развитіе мозга требуетъ своего времени, а въ природѣ, какъ мы знаемъ, нѣтъ торопливости. Если она могла цѣлыя тысячи лѣтъ лежать въ каменномъ обморокѣ, то надо полагать, что и историческаго бреда ей станетъ надолго. Люди, которые поняли, что это—сонъ, воображаютъ, что проснуться легко, и сердятся на спящихъ, совершенно забывая, что весь міръ, ихъ окружающій, не позволяетъ имъ проснуться...» Жизнь прохо-

дитъ рядомъ оптическихъ обмановъ, искусственныхъ потребностей и мнимыхъ удовлетвореній, въ чадѣ нелѣпостей и пустяковъ, отъ которыхъ нѣтъ силъ очнуться...

Искать въ исторіи и природѣ того внѣшняго и внутренняго порядка, который вырабатываетъ въ себѣ чистое мышленіе, совершенно независимое отъ какихъ-либо внѣшнихъ постороннихъ воздѣйствій, это значить вовсе не знать характера исторіи и природы,—увѣряетъ насъ Герценъ во 2-мъ изъ своихъ *писемъ о природѣ*. «Все равно, что бы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное помѣшательство. Бралъ ли я Тита Ливія или Муратори, Тацита или Гиббона,—никакой разницы; всѣ они доказываютъ одно, что исторія—ни что иное какъ связный рассказъ родового хроническаго безумія и его медленнаго излѣченія», такъ разсуждаетъ д-ръ Круповъ въ своемъ сочиненіи *«О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности»* (Соврем. 1847 г., т. V). Разверните какую хотите исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; взгляните, изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего выносятъ люди всевозможныя лишенія, что восхваляютъ и что порицаютъ, и вы ясно убѣдитесь въ несчастной на первый взглядъ истинѣ и истинѣ полной утѣшенія на второй взглядъ, что все это—слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Замѣчательно,—продолжаетъ д-ръ Круповъ,—что внѣ домовъ умалишенныхъ между больными существуетъ какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признають пункты помѣшательства другъ въ другъ. Явный и постоянный вредъ люди наносятъ себѣ самимъ въ силу своихъ предраз-

судковъ, своего явнаго и постоянного стремленія къ цѣлямъ несущественнымъ и опущенія цѣлей дѣйствительныхъ. Это уже черта настоящаго безумія, т. е. такого состоянія, въ которомъ дѣйствительность не имѣетъ силы надъ человѣкомъ. Мысль о всеобщемъ безумствѣ людей, которую высказывали еще мудрецы классической древности, представляется Герцену до того увлекательной, что онъ не могъ освободиться отъ нея въ теченіе всей своей литературной дѣятельности, и даже спустя двадцать лѣтъ послѣ появленія только что изложенной „психіатрической теоріи д-ра Крупова“, онъ помѣстилъ въ *Полярной звѣздѣ* на 1869 годъ (вышедшей въ 1868 г.) посвященную тому же вопросу статью подъ заглавіемъ *«Aphorismata»*, соч. прозектора и адъюнктъ-профессора Тита Левіаѳанскаго. Левіаѳанскій идетъ въ своемъ пессимизмѣ еще дальше д-ра Крупова и считаетъ большой ошибкой послѣдняго надежду на постепенное излеченіе человѣческаго рода. «Какъ же,—спрашиваетъ онъ,—постоянное состояніе какого-либо животнаго рода или вида можетъ излечиться? Это—не болѣзнь, а особенность, признакъ... Можетъ быть черезъ 1000 лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше, но отсюда еще далеко до полнаго исцѣленія», о которомъ мечталъ Герценъ вмѣстѣ съ д-ромъ Круповымъ въ 1847 году.

Медленность развитія человѣчества, трудность борьбы съ историческою косностью и неподвижностью не должны все-таки смущать «людей дальняго идеала», пророковъ разума, провозвѣстниковъ лучшаго будущаго. Имъ мало дѣла до прикладныхъ затрудненій; они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество неуклонно стремится, законы и общую формулу его движенія, предоставляя грядущимъ поколѣніямъ посылно осуществлять эти начала въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся другъ съ другомъ интересовъ и партій. Какъ ни трудна борьба, какъ ни терниста

путь служенія обществу, но усилія отдѣльныхъ личностей не пропадаютъ безслѣдно, и хоть медленно, но непрерывно ведутъ человѣчество впередъ,—къ конечному торжеству истины и свободы, смутные силуэты которыхъ все яснѣе и яснѣе обрисовываются на горизонтѣ будущаго. Этой вѣрой въ творческую роль личности въ исторіи глубоко проникнуты всѣ произведенія Герцена, и если въ нихъ звучить мѣстами скептическая нотка, то объясняется это или временнымъ, чисто случайнымъ настроеніемъ, неизбѣжнымъ въ жизни каждаго искренняго публициста, или общимъ характеромъ психическаго склада Герцена, всегда страстнаго, способнаго порой увлекаться до противорѣчія самому себѣ, лишь бы только отстоять излюбленную идею, составляющую весь смыслъ его работы въ данный моментъ.

Роли личности въ исторіи Герценъ придаетъ очень большое значеніе, можетъ быть, гораздо большее, чѣмъ можно это признать въ наше время, спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ появились въ печати первыя чисто-публицистическія работы Герцена. Нашъ вѣкъ «экономическаго матеріализма» не можетъ особенно благопріятствовать процвѣтанію культа человѣческой личности и ея творческаго могущества, но тогда было другое время, другіе идеалы... «Человѣческое участіе, — говоритъ Герценъ, — велико и полно поэзіи; это -- своего рода творчество. Стихіямъ, матеріи все равно: онѣ могутъ дремать тысячу лѣтъ и даже вовсе не просыпаться, но человѣкъ шлетъ ихъ на свою работу и онѣ идутъ»... Природа никогда не борется съ человѣкомъ; по мнѣнію Герцена, это — только пошлый покленъ на нее, отъ котораго было бы давно пора отказаться. Природа не можетъ идти противъ человѣка, если только самъ человѣкъ не перечитъ ея законамъ, считается съ ними; продолжая свое собственное творческое дѣло, она въ то же время безсозна-